

Южно-эстонские заклинания в большинстве произносятся в прозе или полупрозе, часто встречаются простые и свободно сконструированные краткие формулы. Сходство с балтийским материалом может обуславливаться одинаковыми природными условиями и сходным культурным развитием (сходство заговоров, призванных обеспечить экономический успех).

Рунические заклинания коротки, и граница между ними и руническими (особенно трудовыми) песнями нечеткая, что позволяет относить их и к тому и к другому виду. В эстонской фольклористике их и рассматривают то как песни, то как заговоры. У этой группы есть общие черты с балтийскими песнями (обращение пастуха, заклинания, связанные с планетами и т.д.). В южной части Эстонии распространен целый ряд заговорных легенд, известных во всей Европе, библейские легенды и палиндромы, причем часто явно заметна связь с балтийской традицией.

В структуре и функциях заговоров-диалогов западных островов много общих черт с латышским и литовским материалом. Примечательно употребление в заговорах латышских слов в пограничных с Латвией приходах, местностях. Наряду с ними встречаются формулы на неправильном латышском языке. Использование языка соседнего народа встречается и в других видах фольклора.

Л. Малаш (Минск)

ГЕНЕЗИС ТИПОЛОГИЧЕСКИ СХОЖИХ ОБРАЗОВ И МОТИВОВ В БЕЛОРУССКИХ, ЛИТОВСКИХ И ЛАТЫШСКИХ СИРОТСКИХ СВАДЕБНЫХ ПЕСНЯХ

Историческая обусловленность возникновения свадебных сиротских песен белорусского, литовского и латышского народов может быть объяснена в результате

исследования типологического сходства и различия их сюжетов, мотивов и образов, ареала их распространения, количественного соотношения и характера взаимодействия фольклора этих народов. Общие (при наличии и отличительных для каждого из народов национальных черт) песни этого цикла сложились в период XIV-XVIII вв. на основе сходства и общности быта, социально-экономических и историко-культурных условий жизни трех соседних народов.

Богатство сиротских песен в фольклоре этих народов объясняется развитостью у них культа предков, возникшего из веры в их загробное существование и связанное с этим их почитание (*manisius*). Этот культ, по свидетельству Л. Нидерле, засвидетельствован особенно у "балтских славян" большим количеством древних источников.

Белорусские сиротские свадебные песни отличаются множеством и разнообразием сюжетов, мотивов и их вариантов, исполняются только во время сиротской свадьбы и характеризуются четко выраженной обрядовой принадлежностью. (В белорусском фольклоре имеется большая группа сиротских социально-бытовых песен, которые во время свадьбы не исполняются и в нашем исследовании не учитывались.) Подавляющее число сюжетов этих песен характерно для всей территории Белоруссии. Большое внимание к сироте в белорусской свадьбе связано также с продолжительным сохранением остатков родового быта и последующей семейно-общинной организацией, которая существовала в Белоруссии еще во второй половине XIX века (Н. М. Никольский).

Основная масса сюжетов сиротских свадебных песен литовцев характерна для южной и юго-восточной частей Литвы. Половина из них текстуально совпадает с аналогичными белорусскими, причем в некоторых встречаются белорусские лексемы (В. Kazlauskienė). Большая часть

остальных литовских сиротских свадебных песен имеет с белорусскими общие мотивы.

Ареал распространения латышских сиротских свадебных песен включает главным образом район Латгалии и прилегающую к нему территорию, а также некоторые районы нынешней Земгале (Р. Дризуле), граничащие с Литвой и Белоруссией. В них нередко слабо просматривается обрядовый элемент, а в количественном отношении их меньше, чем в белорусской и литовской свадьбах.

В сиротских свадебных песнях всех трех народов сохранилось большое количество пережиточных представлений древних балтов и славян. Эмоции главного персонажа нередко переносятся на окружающую его флору и фауну, а также на космические явления и объекты, которые явились основой при создании художественных образов этих песен. Некоторые из них уходят в седую древность, отражая быт, историко-правовые и мифологические представления, которые легли в основу морально-этического кодекса семейных отношений, национальных черт этих народов.

Г. Петровская (Минск)

ОБЩНОСТЬ МОТИВОВ СОЦИАЛЬНО-БЫТОВОЙ ЛИРИКИ БЕЛОРУССКО-ЛИТОВСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

Мотивы социальной борьбы возникли в фольклоре литовского и белорусского народов как отражение беспощадного гнета, которому подвергался трудовой народ при феодализме и капитализме.

В эпоху феодализма как в белорусском, так и в литовском народном творчестве ярко раскрывается нелегкая доля крепостного крестьянина, в песнях, сказках, пословицах беспощадно высмеиваются жадные, злые, распущенные паны, попы и ксендзы.

С усилением эксплуатации трудящихся масс и обострением классовых противоречий становится более отчетливым и гневным социальный протест, усиливается критика эксплуататоров. В песенном творчестве обоих народов есть ряд подобных мотивов и образов, в частности в социально-бытовой лирике. Близки песни о рекрутах, в которых показана их горькая доля, осуждается несправедливость, господствовавшая при наборах или вербовке новобранцев; песни о гибели воина на чужой стороне; о батраках, примаках, сиротах (эти мотивы есть и в латышских народных песнях). Такое подобие мотивов, образов и сюжетов наиболее близко в литовско-белорусском пограничье, что естественно, так как многовековая история двух народов, живших бок о бок и имевших общие судьбы, не могла не оказать влияния на их песенное творчество. Характерно, что многие из традиционных социально-бытовых песен довольно хорошо сохранились в памяти литовско-белорусского пограничья и в советский период. На основе материалов, собранных во время фольклорных экспедиций в Шальчининском р-не Литовской ССР, можно сделать вывод, что литовцы этого района нередко поют белорусские песни, а белорусы, живущие здесь, — литовские. У жителей района наибольшей популярностью пользуются баллады и свадебные песни, многие из которых имеют социальное содержание. Однако фольклорные записи последних лет свидетельствуют и о постепенном угасании традиций: с каждым годом все реже встречаются информаторы, хорошо знающие и помнящие народные песни. Процесс этот практически стал повсеместным.

Близкую связь имеют отдельные литовские (а также латышские) и белорусские социально-бытовые песни и по музыкальному стилю, по сходным поэтическим средствам.